

Рисунки Марины Медведевой

* * *

Я знал, что чудес по заказу не бывает. Обсудили уже с отцом Германом и Валерием Андреевичем. Потому я вовсе не рассчитывал, что как только я верну икону домой, сразу найду Машу. Я вообще к чудесам отношусь очень осторожно, как и учат нас отцы Церкви, хотя, сказать по правде, чудеса, пусть и небольшие, но в моей жизни случались весьма часто. Да и вообще, жизнь — она сама как чудо. Не зря гениальный режиссер Эмир Кустурица снял фильм с таким названием «Жизнь как чудо». Правда, будет это через два года после того, как я войду в часовню на полустанке и встречу там отца Владимира. А еще через год после этого фильма Эмир Кустурица примет святое крещение с именем Неманя. Для человека, который родился в мусульманском анклаве СФРЮ в семье сербов-мусульман (отца у него звали Мурад), это будет ответственный шаг. Это будет выбор.

Я знал, что чуда не будет, хотя очень, по-детски, хотелось. Очень. Детское такое желание, вера даже, а сверху на нем лежит ворох разочарований и прагматизм взрослого человека. Иногда я думаю, мы стареем именно от этого. Мудрые наследуют славу, а глупые — бесславию, говорил царь Соломон. Но Екклесиаст ответил ему: «Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания — умножает скорбь». Как будто вчера сказано и о веке нашем... Знания, прогресс

и — почти уже самоубийство человечества. Что знания без мудрости? И мудрецы, глядя на нынешних знаек, печалются, ибо уже только вмешательство Самого Господа может их остановить... Эх, а так по-детски хотелось чуда!.. И скажу вам по секрету: всегда хочется. Но я, впрочем, твердо знал другое. В этот раз я сделал правильный выбор. Упущенная возможность осталась в Германии. Профессор, вы можете быть довольны своим учеником. И я еще попытаюсь развить вашу теорию. Победа над одной упущенной возможностью — как ступенька исправить следующую. Эх, не о той лестнице в небеса пел любимый нами в юности Led Zeppelin в своем неумирающем хите *Stairway to Heaven*.

И полустанок, ужаленный цивилизацией новой рыночной эпохи, встретил меня рекламой «МТС: мы здесь». В 30-е годы МТС расшифровали бы как машинно-тракторная станция, и на въезде в поселок это было бы весьма уместно, а сегодня с плаката говорил с путниками оператор мобильной связи: мол, мы и до этой глуши добрались.

Эх, так по-детски хотелось чуда... А маленькие чудеса, даруемые каждому, даже последнему грешнику, как маяки на пути, мы не замечаем, а порой принимаем как свои достижения или как должное. Уж не хочу писать про совпадения. И то, что в ранний час в часовне у железной дороги именно в этот момент шел молебен, я воспри-

нял именно как должное. Так и должно быть. Как «МТС: мы здесь».

И священник, что служил, сначала даже не повернулся в мою сторону, и несколько старушек, что подпевали и истово крестились, только покосились на меня. До тех пор, пока запах ладана из кадила священника и запах горящего воска не перекрыл аромат райских цветов. Настолько сильный, что батюшка повернулся ко мне лицом и спросил вдруг:

— У вас там икона? Она мироточит?

— Да.

— Откуда?

— Отсюда. — И я показал на пустующее место на стене, которое помнил с шестнадцати лет.

Когда я открыл кофр, старушки ахнули, а на глазах священника выступили слезы.

— Ее украли десять лет назад. Мой друг купил ее на аукционе в Германии, а я... вот... привез...

— Плачет Богородица-то о нас... — шепнула одна из старушек, но другие одернули ее: молчи! И она лишь зашептала «Достойно есть».

— Меня зовут отец Владимир.

— Сергей. Сергей. — Я с благодарностью посмотрел в глаза Преподобного Сергия, которые в этот день смотрели именно на меня, в мою душу.

— Мы здесь не часто проводим молебны... Вы не будете против, если мы возьмем икону в поселковый храм? Чтобы беречь и наблюдать за ней. Понимаете, мироточение... его подтвердить надо.

— Понимаю.

— Хотя тут такое благоухание, что, по-моему, все ясно. Такая сила... Позвольте?

Я протянул ему руки скофром, он нежно достал икону, прикоснулся к ней губами и лбом. И уже не скрывал свои слезы. И старушки достали платочки, чтобы утирать свои. И только я стоял усталый и немного опустошенный. Подумалось: каково же было Симону Кириянину, который поднимал на Голгофу крест самого Спасителя?!

А как же чудо? Да вот оно! Образ Богородицы вернулся в свой дом, откуда его похитили. И все это получилось так легко, словно сами ангелы меня вели по этому пути. Хотя не знаю, что было бы, если б Сергей не отправил за мной Олега? Так ведь и он был поражен слезами Заступницы рода человеческого! И так все легко получилось...

Впрочем, передав икону, я вдруг почувствовал, что ноги мои в буквальном смысле подкашиваются и голова после бессонных суток кружится. И тут еще неуместно зазвонил телефон, который, я, конечно, забыл выключить при входе в часовню. И, повинувшись этому зову прогресса, немного раз-

драженный, нарушая торжественность момента, я выскочил на улицу и прокричал в трубку:

— Алло!

— Сергей, это я, Андреич...

«Какой Андреич?» — хотел спросить я, но вспомнил.

— Я хотел сказать спасибо тебе. Спасибо! Понимаешь?!

— За что?

— Я возил утром Светланку к врачу, он сказал, что дела наши лучше, надо наблюдать. Понимаешь?

— Понимаю... — но понимал с трудом.

— Ты прости меня, что я ее купить хотел.

— Да не за что... Я бы тоже все пытался сделать.

— Ты долетел?

— Долетел.

— Слава Богу.

— Слава Богу.

— Помолись там за нас.

— Помолюсь...

Я побрел сквозь лесополосу к железной дороге. Почему-то хотелось плакать. Просто так. Где-то на западе простукивал Транссиб недавно пролетевший мимо полустанка скорый. Время снова замерло, приостановилось. Почти двое суток гонки, тяжесть с плеч, и вдруг хочется плакать, как ребенку, которого обманули. Как ребенку, который ждал одного подарка на день рождения, а ему подарили совсем другой, который казался нужным с точки зрения родителей. Но на душе было светло. И от этого тоже хотелось плакать. И я плакал. Кого мне было стесняться? Никто, кроме Господа Бога, слез моих не видел.

Я стоял и смотрел на великую железную дорогу, одну из главных скреп матушки России. На востоке небо маячило наступающим маем. Там, в Сибири, люди уже проснулись, уже всю трудятся или ленятся, а на западе еще только вот-вот наступит рассвет. А я стою где-то между, в самом сердце страны, в этом самом полу-. Скучно, наверное, жить в маленьких государствах? Может, и комфортно, может, и богато, может, и не скучно вовсе, но нет того чувства простора, нет такого объема в небе...

Приезжайте, европейцы, поплакать на Транссиб. Вы уже знаете — есть ли жизнь на Марсе, а вот есть ли жизнь на русских полустанках?..

— Я тоже сюда часто прихожу, постоять. Вы так быстро ушли... Простите, что я нарушил ваше одиночество. — Это был отец Владимир.

Я заметно вздрогнул.

— Там дальше, — показал я рукой в темноту на другой стороне железнодорожного полотна, — есть студеное болото, удивительное и жуткое.

— Уже нет, — сообщил батюшка.

— Как нет?

— Тут у нас один бизнесмен организовал производство свое — молочное — в поселке. Сходил туда. Вернулся, пригнал бульдозеры, самосвалы и засыпал его.

— М-да... — неопределенно оценил я. — Видать, совесть его замучила. Там.

— Не знаю, я недавно приехал, служить в новый храм назначили, успел там побывать, но ничего не почувствовал. Болото как болото. Испарения неприятные. Как из канализации, когда трубы прорвало.

— Правда?

— Да.

— И я, когда последний раз там был, тоже ничего не испытал, удивился. Думал, найду с помощью этого болота одного человека.

— А вы перед этим на исповедь не ходили?

— Намедни, буквально, — я тут же догадался, — и причастился...

— Ну вот вам и объяснение.

— Как я сразу не подумал!

— Да... Вот так...

— А вот домик так и стоит. — Я оглянулся на дом Георгия Андреевича. — Там работает кто-то?

— Там посменно, сейчас постоянно никто не живет. Железнодорожники приходят на сутки, сменяются.

— Понятно.

— Вы действительно не будете против, если я перенесу икону в сельский храм? Храм больше, прихожан больше, и там она будет в большей безопасности. И службы там каждый день.

— Нет, не буду, просто принесите ее иногда сюда. И у меня еще есть одна просьба: можно написать о возвращении иконы в газеты, на сайты интернет-изданий?

— Вам нужно, чтобы ваше имя упомянули?

— Нет, батюшка, пиар мне не нужен. Я просто надеюсь найти одного человека, для которого эта икона много значит. Ехал вот, — горько ухмыльнулся я, — чуть ли не на чудо рассчитывал.

— Найдете, обязательно найдете.

— Да знаете, как в дешевых сериалах, пропал человек, и десять лет я даже с помощью хороших оперативников и журналистов никакого следа найти не смог.

— Найдете, — уверенно повторил батюшка, и эта его уверенность передалась мне.

— А участковый тут был, в поселке. Он где?

— Оптимизировали, — сказал священник модное слово эпохи модернизации. — Сократили то есть. Уехал куда-то. Я даже с ним познакомиться не успел. Теперь из райцентра приезжают... если успевают. Да гаишники на трассе порой дежурят. Редко...

— Ясно... Участковый хороший был.

Мы стояли под выпуклым куполом звездного неба, вдоль Транссиба летел легкий ветер наступающего времени отпусков. Как и поезда, время здесь притормаживает, а над головой гулкая вечность. Удивительно: дорога умеет звать. Глянешь вдоль просеки — и душа уже рвется за горизонт, где дорога сливается с горизонтом или с ночным небом. Это, наверное, тоже тоска по утраченному раю. Кажется — именно там, куда стремится дорога, какая-то необычайно красивая, счастливая жизнь, именно там ждет нечто такое, что порадует и успокоит сердце, и люди живут там добрые и улыбчивые. Все как в старой поговорке: хорошо там, где нас нет. Но как только мы туда приходим, там становится как везде.

— Иногда кажется, что по этой дороге можно уехать в рай, — поделился я своими мыслями со священником.

— Зачем ехать, рай совсем рядом, — ответил отец Владимир.

— Я знаю, но дорога зовет.

— Это душа рвется. Домой. К Отцу Небесному.

— Я знаю...

— Вы знаете историю этой часовни?

— Да, мне Маша рассказывала... — И я вкратце пересказал ему свою историю полустанка.

Какое-то время священник смотрел на меня с нескрываемым восхищением, словно я совершил на его глазах подвиг. Мне даже стало неловко. Ведь он был моего возраста, одного со мной роста, такой же худощавый, только у него была реденькая борода и смолистые волосы, а я был безбородым шатеном.

— И все эти десять лет вы искали и ждали ее?

— А что в этом удивительного? Любовь не становится слабее оттого, что мы не видим того, кого любим. Ведь Бога мы не видим, но любим Его, а самые чуткие ощущают Его любовь и заботу к себе.

— Простите, какую книгу вы посоветовали Маше? — зацепился вдруг священник за часть моего рассказа и заметно разволновался.

— Какую? — сам себя переспросил я. — Ах да, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Знаете, после этой книги он ушел в затворничество и перестал писать. Его даже никто не видит. Живет за глухим забором. А герой его романа тоже постоянно хотел уехать от действительности, которую ненавидел. Правда, уехать он хотел, простите батюшка, «ко всем чертям». До сих пор помню, как он предлагал своей девушке: «Будем жить в туристских лагерях и во всяких таких местах, пока деньги не кончатся. А когда кончатся, я могу достать работу, будем жить где-нибудь у ручья, а потом когда-нибудь мы с тобой поженимся, все как надо...»

— Пойдемте! — Священник вдруг потянул меня локоть. — Пойдемте. Теперь я все понял.

Я послушно направился за отцом Владимиром. Мы вернулись к дверям часовни. Он отомкнул запертую теперь на замок дверь и, перекрестившись, вошел в полумрак. Я некоторое время стоял в растерянности, но он быстро вышел обратно, держа в руках книгу.

— Теперь я понял. Это вам. Это — послание! Я еще удивился, когда нашел книгу на аналое. Книга-то, знаете ли, не очень христианская. Ну... там всякие сцены... выражения...

В руках у него был томик Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Как же я не догадался войти в часовню!

В этой жизни мелочей не бывает...

— В общем... Она, конечно, добрая книга, молодой человек там ищет себя... Но вот эти выражения и сцены... Да и его рассуждения об апостолах... Он считал, что даже Иуду Христос не отправил бы в ад.

— Вы думаете иначе?

— Не в этом дело. Вы же, наверное, знаете, что Бог никого не наказывает. Человек наказывает себя сам.

— Знаю. Это как в правилах дорожного движения. Можно, конечно, перейти дорогу на красный свет, но шансов попасть под машину и погибнуть куда как больше.

— Да-да... Духовные законы нарушать так же опасно, как и законы физики или... правила дорожного движения. Хотя сравнение, конечно, очень упрощенное. Но я не об этом, я о сценах и выражениях, языке, которым пользуется герой.

— Батюшка, у меня в его годы был такой же язык, именно поэтому эта книга стала так популярна. А про Библию я тогда знал только, что это выдумка попов, чтобы одурманивать рабочий класс и мешать идти трудящимся верной дорогой к коммунизму. Библию, как я вам рассказал, мне дали Георгий Андреевич и Маша... И что, в нашей жизни нет выражений и сцен? И кто сегодня расскажет шестнадцатилетним об апостолах? Им как раз о сексе расскажут! Прямо в школе. Я не говорю, что литература должна сквернословить, живописать сцены убийств и секса...

Батюшка заметно смутился.

— Но она должна быть реальной, как сама реальность. В чем сила Евангелия? В том, что, читая, нельзя усомниться! Вот, — я торопливо начал листать страницы в темноте, щурится, разыскивая нужное место, — вот квинтэссенция этой книги: «Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак». Или вот: «В этом-то и все несчастье. Нельзя найти спокойное, тихое место — нет его на свете. Иногда подумаешь — а может, есть, но пока ты туда доберешься, кто-нибудь прокрадется перед тобой и напишет похабщину прямо перед твоим носом. Проверьте сами. Мне иногда кажется — вот я умру, попаду на кладби-

ще, поставят надо мной памятник, напишут "Холден Колфилд", и год рождения, и год смерти, а под всем этим кто-нибудь нацарапает похабщину. Уверен, что так оно и будет».

— Я читал, — перебил меня батюшка. — Я не говорю, что книга плохая. Но... Кстати, там герой хотел вернуться домой только в тридцать пять лет.

— Да, — вспомнил я, — а мне... Тридцать шесть вот-вот будет...

— Я и говорю — эта книга вам. Там вот закладка была. В самом конце. Заложена старым железнодорожным билетом. Вот...

Я торопливо начал читать страницу, на которой, по словам отца Владимира, была закладка: «Наконец я решил, что мне надо делать. Я решил уехать. Решил, что не вернусь больше домой и ни в какие школы не поступлю. Решил, что повидаюсь с сестренкой, отдам ей деньги, а потом выйду на шоссе и буду голосовать, пока не уеду далеко на Запад. Я решил — сначала доеду до Холленд-Таннел, оттуда проголосую и поеду дальше, потом опять проголосую и опять, так, чтобы через несколько дней оказаться далеко на Западе, где тепло и красиво и где меня никто не знает. И там я найду себе работу. Я подумал, что легко найду работу на какой-нибудь заправочной станции у бензоколонки, буду обслуживать проезжих. В общем, мне было все равно, какую работу делать, лишь бы меня никто не знал и я никого не знал. Я решил сделать вот что: притвориться глухонемым. Тогда не надо будет ни с кем заводить всякие ненужные глупые разговоры. Если кто-нибудь захочет со мной поговорить, ему придется писать на бумажке и показывать мне. Им это так в конце концов осточертеет, что я на всю жизнь избавлюсь от разговоров. Все будут считать, что я несчастный глухонемой дурачок, и оставят меня в покое. Я буду заправлять их дурацкие машины, получать за это жалованье и потом построю себе на скопленные деньги хижину и буду там жить до конца жизни. Хижина будет стоять на опушке леса — только не в самой чаще, я люблю, чтобы солнце светило на меня во все лопатки. Готовить еду я буду сам, а позже, когда мне захочется жениться, я, может быть, встречу какую-нибудь красивую глухонемую девушку, и мы поженимся. Она будет жить со мной в хижине, а если захочет что-нибудь сказать — пусть тоже пишет на бумажке. Если пойдут дети, мы их от всех спрячем. Купим много книжек и сами выучим их читать и писать...»

— Батюшка, а билет-то сам где? Там же должно быть место прибытия...

— Билет?

— Да, там место, где эта хижина...

— Эту книгу читала моя дочь, хотя я ей не очень советовал. Точнее, вообще был против. Не считаю ее душевспасительной...

— А билет?

— Столько времени прошло. Он где-то затерялся. Не знаю, можно ли его найти. Потом, чтобы не искушать младших детей, я унес книгу обратно, но уже без билета... Просто думал, что за ней все равно придут. — Батюшка был очень расстроен.

Внутри меня что-то оборвалось. Последняя надежда. Хотя чудо уже произошло.

— Да, — горько вздохнул я, — это мой неправильный выбор. Я должен был зайти в часовню. Маша была уверена, что я найду в часовню и увижу книгу на таком видном месте. А я не зашел... Как же трудно исправлять свои ошибки!

— Но вы сегодня исправили чужую...

— Ничего бы я не исправил, если бы Бог не послал мне в далекой стране старого друга.

— Но ведь Он послал?

— Да.

— Знаете, батюшка, двадцать лет это была самая запрещенная книга в Америке. Наш-то перевод был более мягким. И, может, вы правы... Я вот «Мастера и Маргариту» уже перечитывать не стану. Но это, знаете, — я погладил книгу, — это ностальгия... По юности.

Если присмотреться, задуматься, то чудес за последние два дня произошло столько, что пора бы им и кончиться. Во всяком случае, до следующего раза. Хотя для человека неверующего это всего-навсего совпадения, стечение обстоятельств.

— Поздно уже... Вы можете переночевать у нас. Матушка и дети будут рады.

Я снова открыл книгу. Нашел нужное место и прочитал отцу Владимиру: «Настанет день, и тебе придется решать, куда идти. И сразу надо идти туда, куда ты решил. Немедленно. Ты не имеешь права терять ни минуты. Тебе это нельзя».

— Это учитель Холдену говорит. Поэтому — пойду я, батюшка.

— Куда? Ночь? Холодно еще...

Действительно — куда? Но хотелось этого страдательного одиночества в ночь кончившихся чудес. Иногда свою боль не хочется делить ни с кем. Хотя бы до поры до времени. Идти? Немедленно? Остановиться на полу-?... Кто-то, словно из-за плеча, шепнул нужную мысль. Нужный выход. Или опять выбор?

— А сейчас в этом доме кто-то есть? — Я оглянулся на дом Георгия Андреевича, по-другому называть его мне даже на ум не приходило.

— Я говорил, там дежурные порой останавливаются. Не знаю, как часто. У меня есть ключ.

— Ключ?

— Да, потому что я прихожу служить в часовню. Мне этот ключ начальник станции дал. Попросил присматривать. Надо заметить, там ничего не украли. Во всяком случае, на первый взгляд. Люди ведут себя аккуратно. Я еще попросил, чтобы там не распивали...

— И даже книги на полках остались?

— Даже книги.

— Да... В наше время в такое верится с трудом.

— Там даже кто-то ремонт сделал.

* * *

Действительно, в доме были поклеены светлые обои, побелен потолок. И все было так, как и двадцать лет назад. Только кто-то принес и поставил на стол маленький еще советский, прибалтийский телевизор «Шилялис». Видимо, обходчики, что дежурили здесь. Сейчас их не было. И удивительно — в доме не было запаха старости, затхлости, как обычно бывает в таких старых домах. Разве что в дальней комнате дышали пожелтевшими страницами книги...

Обычно я плохо сплю на новом месте или в командировке. С трудом засыпаю и часто просыпаюсь. Много курю. А здесь, упав в одежде на старую пружинную кровать, я сразу провалился в небытие. И не было никаких снов. Только где-то в подсознании оставалось чувство, что мне удалось сделать хоть что-то хорошее. А то все было как в популярной песне Константина Никольского: «...я добрый, но добра не сделал никому». Так и уснул с мелодией этой песни где-то вдали...

Я сам из тех, кто спрятался за дверью,
Кто мог идти, но дальше не идет,
Кто мог сказать, но только молча ждет,
Кто духом пал и ни во что не верит.
Моя душа беззвучно слезы льет.
Я песню спел, она не прозвучала.
Устал я петь, мне не начать сначала,
Не сделать первый шаг и не идти вперед.
Я тот, чей разум прошлым лишь живет.
Я тот, чей голос глух и потому
К сияющим вершинам не зовет,
Я добрый, но добра не сделал никому.
Я птица слабая, мне тяжело лететь
Я тот, кто перед смертью еле дышит.
И как ни трудно мне об этом петь,
Я все-таки пою, ведь кто-нибудь услышит...

А вот проснулся я как в любимой в детстве книге «Два капитана». Буквально почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Помню, как в этом удивительном романе Валька жаловался главному герою Сане на Ромашова: «Кроме того, он грозился, что ночью будет на меня смотреть. Понимаешь, я терпеть не могу, когда на меня смотрят ночью. Теперь-то я понимаю, что это — ерунда. Это началось с того, что я один раз проснулся — и вижу: он на меня смотрит». Мне, наверное, все равно, кто и когда на меня смотрит, но сплю я очень чутко. Это — из армии. Так чутко, что просыпаюсь от малейшего шороха, в том числе оттого, что на меня смотрят.

Открыв глаза, я увидел сияющую в лучах расцвета белизну потолка. Повернул голову. На табурете чуть поодаль сидел мальчик лет десяти. Смотрел на меня тревожно и с интересом ярко-голубыми глазами. Губки бантиком, брови чуть сдвинуты, и копна вихров на голове.

— Доброе утро, — говорю я. — Ты кто?

— Сережа. А вы кто?

— Я тоже Сережа. А как ты сюда попал?

— Мы с мамой приехали. Это мы тут обои клеили...

Сердце у меня буквально провалилось. Оторвалось от всех своих нервных окончаний. Я сел на кровати.

— Твою маму Машей зовут?

— Да. А вы откуда знаете?

— А где она?

— Во дворе. Воду из колодца набирает. Сейчас чайник ставить будет. Вы же будете пить с нами чай?

— Буду.

— А вы откуда приехали?

— Сейчас из Германии.

— Ух ты...

Когда я вышел во двор, Маша как раз повернулась, переливая воду в домашнее эмалированное ведро. Она смотрела на меня с легкой улыбкой. Так, как смотрела двадцать лет назад, с банкой земляники в руках. И тут в кармане у меня запел «Ноктюрн» Муслима Магомаева мобильный телефон. Я жил с этой простой и нежной песней много лет. Но сейчас... Мобильные вообще звонят всегда не вовремя. Всегда. Иногда — даже подло не вовремя. Чтобы пустяковым разговором отвлечь от чего-то важного. Все, кому нечего делать, всегда мешают тем, кто чем-то занят. И я чуть было не швырнул телефон в кусты, но увидев, кто звонит, ответил.

— Серега? — Это был Дубинский. — Ну как, у тебя все нормально? Чудо случилось?

— Оно происходит, прямо сейчас, — тихо ответил я, и тезка сразу понял, в чем дело.

— Дерзай! Перезвони потом, — и дал отбой.

Я подошел к Маше и просто обнял ее. Так мы стояли, наверное, огромный отрезок вечности. И ничего больше не хотелось — все было рядом.

— Ну вы чего там? — Это вышел на крыльцо Сережа, но, увидев нас, озадаченно замолчал.

— Почему ты сразу уехала, не дождалась меня?

Маша грустно посмотрела мне в глаза:

— Как только вы уехали с Мишей, приехали три пьяных бандита. Ворвались в дом. Били меня. Требовали, чтобы я рассказала им, кто убил их товарищей. Потом привязали к стулу, обещали... — она опустила глаза, — ...пустить по кругу. И, наверное, так бы и сделали, но одному приспичило сначала «поставить на уши деревню». Оставили меня связанной «на десерт» и уехали в поселок. Не знаю, каким чудом мне удалось выпутаться... Видимо, спасло то, что они, пьяные, даже связать толком не могли. Дальше я уже не думала. Просто села на поезд и уехала. Я никогда так в жизни не боялась... И больше всего я боялась, что они меня обесчестят. Что бы ты тогда сказал? У деда была однокомнатная квартира. В Хабаровске. Я же оставила билет в книге... Старый билет. Я туда с ним ездила, а билет был потом долго у меня закладкой в книгах.

— Не сохранили билет. Потеряли. А квартира?

— А квартиру... Он мне ее завещал. Никто не знал. Это когда он еще на Дальнем Востоке работал.

— А Сережа? — осторожно спросил я.

— Сережа? Твой сын, — просто ответила она.

— Господи!.. — А к кому мы еще обращаемся сознательно или несознательно в трудные или трогательные минуты?

И снова мы стояли на полустанке, на полу-жизни, на полуслове...

— Простите, я не очень помешал? — Это появился на тропинке отец Владимир.

— Помешали, батюшка, — улыбнулся я.

— Я... Я... вот... билет нашел. До Хабаровска... Но, по-моему, я опоздал.

— Нет, вовремя, батюшка. Как там у вас с обрядом венчания?

— Вы же знаете, государство светское, сначала в ЗАГС надо.

— Светское, — ухмыльнулся я, — а света в нем мало.

— Я не буду вам мешать... Мальчик, — позвал он Сережу, — возьми-ка этот билет.

— Билет?

— Ну да. Храни его.

— Он важный?

— Очень...

— Я вернул икону... Ну, не только я, мы с другом, — сказал я Маше. — Отец Владимир, правда, перенес ее в сельский храм. Так спокойнее.

— Ты нашел ее?!

— Скорее, она меня. Она до сих пор мироточит. Мне столько тебе всего надо рассказать.

— Мне тоже...

— Я напишу об этом книгу.

— Ты думаешь, эта история будет кому-то интересна?

— Не знаю, я опишу только несколько дней. И тот, кто дочитает до этого места, скажет спасибо автору, что она кончается лучше, чем многие другие. На полуслове. На полустанке.

* * *

Иногда мне кажется, что вся наша прекрасная голубая планета — это полустанок, на котором мы останавливаемся совсем ненадолго, на короткий

промежуток, называемый жизнью. Останавливаемся, чтобы сделать тот самый выбор.

Делай что должно, и пусть будет что будет, думал я всегда. Но однажды вспомнил еще девиз любимого мной в детстве сказочника (так он сам себя называл) Рэя Брэдбери, он добавил к сказанному «Делай то, что любишь, и люби то, что ты делаешь!» У него же: «Есть преступления хуже, чем сжигать книги. Например — не читать их». Это из его романа «451 градус по Фаренгейту». Не читали? Нам еще немного осталось, и мы доживем до таких времен, которые описаны в этом романе. В мире за последние два века издано свыше восьми миллиардов Библий. А вот сколько людей ее читали?..

Полустанок. Не мне первому пришла в голову мысль, что мы здесь гости. Еще Омар Хайям писал?

Других не зли и сам не злись.
Мы гости в этом бренном мире.
И если что не так — смирись,
Будь умнее — улыбнись,

Холодной думай головой,
Ведь в мире все закономерно:
Зло, излученное тобой,
К тебе вернется непременно...

Поезда грохочут мимо. Наверху небо бороздят самолеты, еще выше — спутники. Миру кажется, что он движется по пути прогресса в очередное светлое будущее. Миру кажется...

Мир не знает, что центр Вселенной находится на маленьком полустанке вдоль Транссиба. Мир не знает, отчего так щемит сердце, когда видишь открывающуюся перед тобой великую русскую даль. Мир все больше живет по теории упущенных возможностей, потому что он забыл или перестал понимать истинный смысл слова «выбор». Мир не слышит, как нас зовут:

— Сергеи, оба! Пойдемте обедать! Ну что вы уже битый час стоите и смотрите вдоль путей? Что вы там увидели?! — И смеется: — Конец путей, что ли?

Нет, только полустанок. Он огромный. К нему тянутся дороги с Востока и Запада. А от него только одна — в небо...